

Т. И. ОРНАТСКАЯ

**«Необыкновенная история»
с «Обыкновенной историей» И. А. Гончарова
(К проблеме выбора источника основного текста)**

Уникальность творческого метода Гончарова бесспорна. Столь же уникальна и сама «гончаровская текстология». Скрупулезное изучение движения текстов отдельных его произведений, проведенное в последние годы, показало, что, например, окончательный текст книги-путешествия «Фрегат „Паллада“» сложился не в 1858, а лишь в 1879 г.,¹ а роман «Обломов» был радикально переработан в 1862 г., что позволило Л. С. Гейро прийти к выводу о существовании двух редакций текста романа.² Новое обращение к тексту «Обыкновенной истории» выявило не менее интересную картину, повлекшую за собой вопрос о том, какой же из прижизненных текстов романа считать источником основного.

Характер движения печатного текста «Обыкновенной истории» не раз привлекал внимание исследователей (рукописи романа не сохранились). Основания для такого внимания были: после журнальной публикации в 1847 г. он выходил пятью изданиями (в 1848, 1858, 1862, 1868 и 1883 гг.), а затем дважды включался в прижизненные собрания сочинений. Последний раз он вышел в свет отдельным изданием в 1887 г. Находили, что текст «Современника» «оставался без изменения в отдельных изданиях 1848, 1858, и 1862 годов»,³ отмечали, что текст 1868 г. представляет собою новую редакцию произведения,⁴ выделяли, наконец, три редакции романа — журнальную, 1868 и 1883 гг.⁵ Все эти выводы, разумеется, делались на основании сопоставления разных изданий романа, но они были в значительной мере субъективными — в том смысле, как трактуется такой «субъективизм» Д. С. Лихачев. Он пишет: «Субъективизм возникает в результате недостаточного понимания явления, в результате незавершенного научного исследования». ⁶ А «только научное понимание приво-

¹ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. В 2 т. / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1986 (Сер. «Лит. памятники»).

² Гончаров И. А. Обломов. Роман в четырех частях. / Изд. подгот. Л. С. Гейро. Л., 1987 (Сер. «Лит. памятники»).

³ Демиховская О. А. И. А. Гончаров в работе над романом «Обыкновенная история» // И. А. Гончаров. Материалы юбилейной конференции 1987 г. Ульяновск, 1992. С. 127.

⁴ Вопреки справедливому наблюдению А. Г. Цейтлина, оценившего эту правку как «значительную» в результате которой лишь были «устранены излишние бытовые и психологические подробности», см. Цейтлин А. Г. Комментарий // Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1952. Т. 1. С. 270.

⁵ Краснощекова Е. А. Комментарий // Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977. Т. 1. С. 511.

⁶ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 500.

дит к объективной истине и, следовательно, к объективным результатам».⁷ Такое «научное понимание» дается лишь в результате выведения исчерпывающего свода вариантов всех прижизненных изданий произведения. Эта работа, проделанная по отношению к «Обыкновенной истории»,⁸ со всей полнотой показала, во-первых, исключительную требовательность писателя к тексту романа, снискавшему уже при первом появлении в свет неслыханный успех, и обнаружила, во-вторых, что правка велась от издания к изданию, принимая все более углубленный характер, хотя стилистика всего произведения почти не вызвала нареканий критики. Действительно, уже в журнальный вариант Гончаров вносит хоть и значительные, но частные исправления, вторгаясь в основном в текст первой части и сокращая отдельные эпизоды, фразы, излишне подробные описания, некоторые авторские сентенции, оттачивая диалоги, и т. п. При этом, к примеру, все сделанные им сокращения, даже если они касаются отдельного имени, вызваны причинами глубоко творческого характера. Так, в гл. II части первой перечень известных имен, приводимых Петром Ивановичем («Ньютон, Гутенберг, Ватт...»), содержал еще и имя французского педагога Жакото (Jacotot, 1770—1840), автора книги «Langue étrangère» (1829), в которой утверждалось, что в основе изучения всех наук должно лежать заучивание наизусть. Еще в 1818 г. Жакото выступил со своим методом преподавания, направленным на развитие активности и самостоятельности обучающихся; его основные сочинения: «Всеобщее обучение. Родной язык» (1823) и «Иностранный язык» (1829). Система Жакото была популярна в Западной Европе и в России, однако лишь в 1830-е гг. В заметке В. Ф. Одоевского «О системе Жакото (Замечания на статью, помещенную в «Journal des Debats», 1829, дек. 13-го)», помещенной в № 9 пушкинской «Литературной газеты» за 1830 г., говорится, что эта метода заслуживает «уважение или, по крайней мере, внимание ученого мира» России, и сообщается, что «на русском языке готовится особенное сочинение о сей методе», которая «обошла Англию, завела споры в Германии и произвела необыкновенное действие во Франции, где в начале 1829 года заведено уже было пять школ по методу *всеобщего обучения* <...>, коих число ежедневно умножается и где мы насчитали по журналам уже до 16 отдельных сочинений, вышедших в прошлом году по сему предмету, кроме периодического издания, составляемого сыновьями изобретателя...».⁹ Однако к 1848 г. популярность Жакото уже не шла в сравнение с известностью других названных в романе ученых, и Гончаров снимает это имя. Такой же творческий характер носит и большинство проведенных замен. Так, в описании бала в гл. II первой части выражение «гром мазурки»¹⁰ заменяется словами «гремела музыка», — вероятно, не только потому, что на бале танцевали не одну мазурку, но и потому, что Гончаров заметил далее в этом же абзаце слова «рев мазурки».

Шлифовка текста романа продолжалась и для издания 1858 г., хотя объем правки несколько уменьшился. Гончаров правил текст в том же русле, что и раньше. Сокращения, отдельные добавления и замены касаются в основном архитектоники и стиля произведения.

В издании 1862 г. характер исправлений сохраняется — но с тою только разницей, что, например, сокращения проводятся в гораздо большем объеме, чаще касаясь авторских рассуждений и ремарок, пространных описаний

⁷ Там же.

⁸ В целях установления основного текста романа для начатого Пушкинским Домом академического двадцатитомного издания «Полного собрания сочинений и писем» И. А. Гончарова.

⁹ Литературная газета А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830 год. № 1—13. М., 1988. С. 132.

¹⁰ Несомненно связанное со строкой из «Евгения Онегина»: «Когда гремел мазурки гром» (гл. пятая, строфа XLII).

во второстепенных линиях сюжета; более короткими становятся диалоги и монологи персонажей. Характерно, что в этой правке почти не ощущается новое время; в ней нет признаков бурных 1860-х гг. Исключение составляет, пожалуй, лишь такая деталь: оценивающий повесть Александра приятель дяди, журналист, видевший «причины зла», т. е. появления так называемых «разочарованных», в «самолюбии», «мечтательности», в «преждевременном развитии сердечных склонностей и неподвижности ума», теперь знает «средства» «к исправлению» этого зла: «Наука, труд, практическое дело — вот что может отрезвить нашу праздную и больную молодежь» (гл. II части второй).

Казалось бы, тщательно переработанный в 1862 г. текст должен был теперь удовлетворять писателя. Однако предпринятое им в 1868 г. четвертое издание романа оказалось не только тщательно, но и во многом кардинально переработанным, причем внешне работа велась по тем же направлениям, что и раньше. Крупных по объему сокращений немногим более десяти, и сделаны они преимущественно тоже в части первой романа. Так, из наставлений Анны Павловны сыну в гл. I этой части снимается «пассаж», начинающийся со слов «На мужних жен не зарься...». Вероятно, излишними показались Гончарову слова матери в ответ на уверение Александра о том, что его Бог накажет, если он ее забудет: «Перестань, перестань, Саша <...> пусть я одна страдаю». Продолжается переработка страниц текста, посвященного Антону Ивановичу, начатая еще для издания 1848 г. и продолженная в 1858 и 1862 гг. Сокращает Гончаров и довольно обширный эпизод из диалога дяди и Александра о «секрете супружеского счастья» (гл. VI части первой).

Появился в тексте 1868 г. и целый ряд более или менее пространств вставок. Наиболее заметная из них — размышление Петра Ивановича о своем безотрадном прошлом. А наиболее поразительная — введенные в читаемые дядей стихи Александра одиннадцать новых строк, заменившие прежнее «и т. д.». Возможно, что новые нарочито маловыразительные строки понадобились писателю для другого сделанного следом дополнения — резкой оценки стихов Петром Ивановичем; тем более, что некоторые из предыдущих стихов племянника были признаны им «недурными».

Количество подобных примеров можно было бы увеличивать, так же как и число примеров дальнейшей стилистической правки. Отметим только, что в новом издании появилось значительное количество исправлений искаженного текста, причем исправлений очень серьезных (об этом далее).

Следующее издание романа появилось в 1883 г., и набиралось оно по тексту 1862 г., а не по тексту 1868, как естественно было бы думать. При этом в текст было внесено немалое количество новых исправлений и изменений, однако почти ни одно из сокращений, дополнений, замен и уточнений 1868 г. в новое издание не попало.

Можно было бы предположить, к примеру, что внутренний монолог Петра Ивановича о своем прошлом в гл. II части первой разрушал четкое построение всего эпизода, в котором мысль дяди о том, «не будет ли он отвечать перед совестью» за невнимание к племяннику, влекла за собой строки: «Тут кстати Адуев вспомнил, как, семнадцать лет назад, покойный брат и та же Анна Павловна отправляли его самого». Ведь новая длинная вставка могла показаться автору по прошествии времени явным нарушением архитектоники произведения, о которой Гончаров постоянно заботился и о которой писал в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «Всего более затрудняла меня архитектоника, сведение всей массы лиц и сцен в стройное целое <...> Одной архитектоники <...> довольно, чтобы поглотить всю умственную деятельность автора: соображать, обдумывать участие лиц в глав-

ной задаче, отношение их друг к другу, постановку и ход событий, роль лиц, с неусыпным контролем и критикой относительно верности или неверности, недостатков, излишества и т. д.».¹¹ Что же касается размышлений Лизаветы Александровны по поводу неожиданных теплых нот в словах мужа, к ней обращенных, то они явно нарушали это «участие лиц в главной задаче» и были очевидным «излишеством». Не попало в текст 1883 г. и появившееся в сцене дяди с Александром (гл. VI части первой) в 1868 г. слово «секундант» (вместо «свидетель»). Но эта, на первый взгляд кажущаяся бесспорной, замена оказалась автором не учтенной отнюдь не случайно. И дело не только в том, что далее в этом же эпизоде было дважды сохранено слово «свидетель» (параллельно с «секундантом»): ведь оба эти слова истари были синонимами; в русле этой традиции употреблял их и Пушкин («Выстрел»). Следовательно, Гончаров, скорее всего, сам снял необязательное исправление «секундант», которое в 1868 г. могло быть следствием некоего недосмотра.

Но если по отношению к названным случаям еще можно высказать сомнения относительно причин, по которым Гончаров не ввел их в новый текст, то нуждается в объяснении тот факт, что в большинстве своем остались неучтенными варианты 1868 г., улучшавшие, а иногда явно исправлявшие неблагоприятный текст. Закономерно возникает предположение, не забыл ли Гончаров об этой правке или сознательно ею пренебрег? Так, в 1878 г. он уже не совсем четко помнил последовательность переизданий романа (об этом говорит его переписка с переводчиком П. Г. Ганзенем).¹²

Но и то и другое предположение оказываются зыбкими, тем более что в текст издания 1883 г. (а потом и в текст 1884 и 1887 гг.) вошел целый слой исправлений, впервые проведенных именно в издании 1868 г.; особенность этих исправлений в том, что они являются мелкими уточнениями, которые трудно, если не невозможно, восстановить по памяти. Так, к 1868 г. восходят исправления: «водой» вместо «водицей»; лишь в 1868 г. в тексте появилось добавление: «Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно, на дальнюю дорогу», также вошедшее в текст 1883 и 1887 гг.; вместо «начала потом опять» — «продолжала она»; «лучше чемодан вдоль» вместо «лучше чемодан вниз»; «не видывал» вместо «я не видывал»; «потом ребяческая выходка» вместо «то ребяческая выходка»; «Согласитесь ли вы быть» вместо «Согласитесь ли быть»; «Нет» вместо «Нет, нет, нет!»; «нашел что» вместо «нашел чего»; «в небеса» вместо «на небеса» и т. п. И еще один пример: в реплике Александра из разговора Петра Ивановича с ним об изменившей Надиньке: «Я ее слишком глубоко презираю, — сказал Александр, тяжело вздохнув» (гл. VI части первой) — последние два слова появились именно в 1868 г.; по этому изданию они и были введены в текст, который в целом, как уже говорилось, готовился по изданию 1862 г.

Что же касается новой правки, то она велась по тем же направлениям, что и ранее, в 1848—1868 гг. Самый большой ее пласт — дальнейшее сокращение текста, начавшееся буквально с первых страниц романа первой части. Вообще глава I первой части подверглась в 1883 г. самым значительным сокращениям. Был снят отрывок, занимавший целую страницу, входивший во все предыдущие издания и правившийся до 1868 г. включительно. Имеется в виду авторское отступление, содержавшее противопоставление непостоянной любви «красавиц» и материнской любви, которая «век свой одна и та же», мать «плачет и смеется, и шепчет: „это мой!“». А затем

¹¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 7. С. 112.

¹² Лит. архив. Л., 1961. Т. 6. С. 56.

затеппит лампадку перед образом Спасителя и молится долго и жарко». Снял Гончаров, вернее, сократил до одной короткой фразы: «Ему было двадцать лет» — пространный текст, начинавшийся этими же словами и содержащий далее авторское рассуждение: «а это — пора волнений, мечтательности, жажды нового и неизвестного. В эту пору осторожные родители не дают детям ни вина, ни кофе, потому что у них де и без того кипяток в крови. Как же тут усидеть на одном месте? Особенно надо представить себе в этой поре Александра Федорыча». О том, насколько такого рода изменения улучшали текст главы, красноречиво свидетельствует замена следовавшей за словами: «В аттестате его сказано было, что он знает» — тяжелой фразы: «двадцать две науки, три искусства и еще два, три предмета — ни науки, ни искусства, а так, Бог знает что» такою: «с дюжину наук да с поддюжины древних и новых языков» (гл. I части первой). Еще одно значительное сокращение — опять-таки рассуждение о любви, на этот раз о любви мужчины, который «любит и одну женщину и многих женщин вдруг, и почести, и кло-де-вужо...»,¹³ о любви женщины и о любви детей, которые «почти никогда не платят в возврат родителям тою же любовью, а ищут впереди себя другой, не короткой и мирной, а с волнениями, страданиями и слезами». Наконец, была продолжена правка текста, связанного с Антоном Ивановичем. Первая часть этого вновь правленного текста, относящаяся ко «многим еще у нас на Руси», для которых «написать несколько строк» настоящая мука. «Вот, скажет он, поди, отыскивай чернильницу <...> еще и бумаги не найдешь в доме, а главное — сиди часа три и выдумывай слова. Бог знает, как и ставить их: иное можно поставить рядом и тем и этим, а где именно нужно, Бог весть <...> а чуть обмакнул перо в чернила — и не то, и нейдет! или все слова вдруг случатся, не знаешь, которое первое написать, — или ни одно нейдет, да и написать надо гораздо мудренее, нежели говоришь, а вот тут-то и надо выдумывать слова!» — очень напоминает сцену мучений Ильи Ильича Обломова над письмом к старосте. Ниже снимаются также две длинноты из «речей» Антона Ивановича: первая следовала за словами: «нахватает там чинов!» (гл. I части первой), вторая — рассказ Антона Ивановича о вредном сынке Никанора Михеича (там же); снял Гончаров и появившееся в 1868 г. дополнение, в котором было пространно выражено отношение Костякова к намерению Александра послушать приезжего музыканта: «Так уж лучше в Падкин трактир пойти: там один орган десять тысяч стоит. Вы едите, пьете, а он впридачу — вам так и гудит!» (гл. V части второй).

К некоторым сокращениям автора побудили перемены в жизни общества: ведь со времени публикации романа в «Современнике» прошло 35 лет. За эти годы, например, не раз изменилась мода, в частности давно перестали носить манишки, — и Гончаров в сцене укладывания чемодана снимает слова Анны Павловны: «Теперь манишки. Посмотри, как вымыты и выглажены. Ну где им там выгладить так?» (гл. I части первой). Но чаще всего сокращения были связаны со стилистической правкой. К примеру, в долгом монологе Анны Павловны при упоминании о неловкости тетки Александра, севшей на тарелку с вареньем, после слов «такого сраму надедала!» — было снято следующее замечание, существовавшее до 1883 г.: «а еще ученая: все книжки читает» (там же); лишними, вероятно, показались Гончарову и сопровождавшие фразу «от людей зверского вида удаляйся» — слова: «Есть такие злодеи, что ничего нет святого для них: они и этакой

¹³ Кло-де-вужо — популярное в России в 1820—1830-х гг. дорогое изысканное вино, названное по местности (Clos Vougeot) в Бургонии: оно готовилось из смеси темного и зеленого винограда (но было и белое вино этой марки), разливалось только на месте, запечатывалось особой печатью с обозначением года и имело этикетку с подписью владельца фирмы.

драгоценности не пожалеют» (там же), так же как и слова, уточняющие маменькино обещание беречь деньги Александра. После слов: «две тысячи пятьсот рублей в год» — было: «Буду беречь твое добро пуще глазу, а там, как воротиться, женишься — сам как хочешь и распоряжайся». Снимается и пространная сентенция Анны Павловны по поводу книг: «Книг много не покупай — зачем? <...> не все же учиться, когда-нибудь надо и бросить <...> Ты не учитель какой-нибудь! Я без тебя книги-то велю в чулан спрятать» (там же). Возможно, это сокращение также было сделано под влиянием времени: ведь даже в Обломовке поняли пользу ученья. Справедливо и утверждение Е. А. Краснощековой, что при переработке романа в 1883 г. «Гончаров смотрел на него с высоты опыта уже трех реалистических романов, поэтому он вычеркивал те „куски“, в которых ему изменяло чувство меры: реплики Александра Адуева, слишком уж в „лоб“ обнаруживающие его наивный романтизм, обличительные заявления Петра Адуева, в которых откровенно утрируется облик его оппонента».¹⁴

Именно этим «чувством меры» вызваны, очевидно, и отдельные перемены, которым «подверглось» в 1883 г. описание внешности Петра Ивановича. В гл. II первой части претерпел значительное изменение его портрет. Из 23 строк текста «Современника», сохранившихся до 1868 г., осталось лишь 8. «Ушли» упоминания Аполлона Бельведерского и сравнение с центавром. Вместо детального портрета: «Черты лица его были крупны и правильны, но в них не выражалось ни добродушия, ни злости, ни великого ума и еще менее глупости, а какое-то холодное спокойствие, которое, впрочем, не пугало и не отталкивало никого» — появилась лаконичная, но очень емкая характеристика: «В лице замечалась — также сдержанность, то есть умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души. Он был того мнения, что это неудобно — и для себя и для других» (гл. II части первой).

Замены проводились по всему тексту, касаясь как целых эпизодов и фраз, так и отдельных слов. Так, в начале гл. I первой части перестраивается диалог Александра с маменькой: теперь обещанный завтрак отодвигается настолько, что Александр не выдерживает и дважды прерывает монолог матери напоминанием о еде; вновь изменяется, по сравнению с исправленным в 1868 г., восклицание Александра, делаясь короче и выразительнее (вместо: «Забыть вас, маменька: какой вопрос! — Он горячо поцеловал руку матери. Лицо у ней просияло» — стало: «Забыть вас! Как могли вы подумать! Бог накажет меня...» — там же).

Многие замены носят характер чисто стилистической правки, которая имела своей целью дальнейшую шлифовку текста (вместо «как-то ласковее» стало «кажется, ласковее»; вместо «в зрелой поре» стало «на склоне жизни»; вместо «у другого какого-нибудь» стало «у какого-нибудь»). Подчас эта «шлифовка», внешне как будто бы незначительная, придает тексту действительно «окончательный» характер. Стоит только проследить, как менялась, например, характеристика Сонички в устах Анны Павловны: сначала «Деревенская девка!»¹⁵ (1848, 1858, 1862), затем «Деревенская девочка!» (1868) и, наконец, в 1883 г. «Деревенская девушка!» (гл. I части первой), или рассмотреть следующие примеры: вместо «и образование груди» стало «и пышность груди»; вместо «ручьём текущие слезы» стало «капавшие слезы»; вместо устаревшей формы «прозябение», прошедшей по всем предыдущим изда-

¹⁴ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977. Т. I. С. 511.

¹⁵ Слово «девка», еще в XVIII—нач. XIX в. звучавшее нейтрально («девкой» именовали всякую незамужнюю девушку, в том числе и из знатной фамилии тоже к примеру Сумароков мечтал об идеальном царстве, где «учаеся в школах и девки» «Хор ко превратному свету» 1762—1763), в устах Анны Павловны приобретает оттенок грубости, пренебрежения: ведь Соничка из бедной, хотя и дворянской, семьи.

ниям, стало «прозябание»; вместо «фитюрировать» стало «фигурировать»; вместо «ж ресторатеру» стало «ж ресторатору»; вместо «из-за облак» становится «из-за облаков»; «до замужства» стало «до замужества»; вместо «по-латыне» стало «по-латыни» и т. д. Гончарова долго не удовлетворяла фраза-воспоминание Александра о счастливых днях в его скромной комнате, в которой «жили с ним тогда мечты», а «будущее было одето туманом, но не тяжелым, удушливым туманом, предвещающим ненастье» (таким был этот текст до 1858 г. включительно). В 1862 г. (и в 1868 г.) фраза уже выглядит иначе: «будущее было одето туманом, предвещающим не ненастье...». В 1883 г. Гончаров выбирает иной, «средний» вариант: «будущее было одето туманом, но не тяжелым, предвещающим ненастье» (гл. VI части первой).

Появились в тексте 1883 г. различного рода дополнения, правда в меньшем количестве, чем раньше. Рассерженная Аграфена при упоминании ненавистного Евсею Прошки восклицает: «Подле него и сидеть-то тошно — свинья свиньей!» (гл. I части первой); монолог Анны Павловны прерывается словами Александра: «Какая „чужая“ сторона, Петербург: что вы маменька!» — и ее ответом: «Погоди, погоди — выслушай, что я хочу сказать!», а также двумя новыми авторскими ремарками: «Она вздохнула» (там же); «и опять вздохнула»; в портрете Петра Ивановича, подвергнувшись сокращению, появляются и дополнительные штрихи, вроде: «Иногда лишь видны были на нем (лице. — Т. О.) следы усталости — должно быть, от усиленных занятий» (гл. II части первой). В текст 1883 г. было внесено и еще одно, на первый взгляд малозаметное, уточнение. Гончаров внимательно отнесся к указанию о числе лет, проведенных Александром в Петербурге до его возвращения в Грачи. В трех первых изданиях романа (в «Современнике», в 1848 и 1858 гг.) было: «Так! Я здесь десять лет»; в 1862 г. фраза упрощается: «Я здесь десять лет»; в таком виде переходит она и в текст 1868 г., а в 1883 г. число лет изменяется: «Я здесь восемь лет» (гл. V части второй). Гончаров, очевидно, исходил из того, что в гл. I части первой герою 20 лет, в Грачи он приезжает 28 лет, проводит там «года полтора», уезжает обратно в Петербург в возрасте 30 лет, а в «Эпiloге», действие которого происходит еще через четыре года, ему идет 35-й год.

Все сказанное свидетельствует как о том, что правка текста для издания 1883 г. была и не меньшей по объему, и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях, так и о том, что текст 1868 г., подготовленный столь тщательно, *не может считаться окончательным текстом, в котором с наибольшей полнотой проявилась последняя творческая авторская воля.* Таковым является лишь текст 1883 г., который в дальнейшем более не перерабатывался. Единственное заметное вмешательство — это сокращение фразы: «Ветер врывался в камин и завывал унылую песню», присутствовавшей во всех изданиях. Но в этом случае нельзя исключить и простого выпадения фразы на стадии набора текста 1887 г., так же как нельзя исключить и того, что разного рода мелкие исправления могли быть сделаны и не Гончаровым (во всяком случае, часть из них), а лишь по согласованию с ним (в настоящее время неизвестно, кто держал корректуры собраний сочинений).

Проникли в текст обоих собраний сочинений и разного рода погрешности и опечатки, не замеченные Гончаровым. Что же касается необходимых серьезных исправлений в тексте, выбранном в качестве основного для академического издания, то их число довольно значительно. При самом строгом подходе, тщательно избегая соблазна заменять «„худшие“ чтения „лучшими“»,¹⁶ в основной текст романа потребовалось ввести 64 исправле-

¹⁶ Игнатьев Д. С. Текстология С. 506

ния. Причем 19 из них вносятся именно по изданию 1868 г., 18 — по всем изданиям вплоть до издания 1883 г., 10 — по всем изданиям до 1868 г. Некоторые из этих исправлений нуждаются в обоснованиях, особенно в тех случаях, когда текст или распространяется, или заменяется другим. Одно из таких исправлений касается фразы из письма к купцу Дубасову, которое Петр Иванович диктует Александру (после слов: «о скорейшей высылке остальных денег» (гл. II части первой) — в тексте 1868 г. следовало: «за посуду»; эти слова восстанавливаются, потому что они возвращают читателя к упоминавшемуся ранее стеклянному заводу дяди, без которого диктуемое письмо представляется совершенно непонятным и случайным). Другое, казалось бы незначительное, исправление — замена обращения «Посмотри» на «Посмотрите» (там же) (тоже по тексту 1868 г.): ведь Александр обращается к Надиньке исключительно на «вы».¹⁷ И третье исправление — добавление к фразе: «ты бы лучше мать полюбил» — продолжения из текста 1868 г.: «с бородавкой-то: та надежнее» (гл. VI части первой). Без этого уточнения можно было принять слова дяди за совет племяннику «полюбить» собственную мать, а не мать Надиньки.

Одно из самых заметных исправлений касается «сердца» Юлии Тафавой и фразы: «...но беда была в том, что сердце у ней было развито донельзя, обработано романами и приготовлено не то что для первой, но для той романтической любви, которая существует в некоторых романах» — обратила на себя внимание писателя уже при подготовке текста 1848 г.: вместо слова «романтической» появляется характерное для эпохи 1830—1840-х гг. слово «романической», напрямую связанное со словом «романы».¹⁸ Готовя текст 1868 г., Гончаров, очевидно, не удовлетворенный дважды употребленными в этой фразе словами «романами», «романах» да еще и «романической» (а кроме того, еще и соседствовавшими «была» и «было») переписывает всю фразу наново, избегая необходимости выбирать между «романической» и «романтической» любовью и вводя для характеристики сердца Юлии, которое было «обработано» романами, несомненно более удачное выражение: «воображение, а за ним и сердце у ней были развиты донельзя, *вскормлены романами*» (курсив мой. — Т. О.), тем более что слово «обработать» присутствовало абзацем ниже, где оно действительно было необходимо, так как речь шла именно о сердце, «обработанном» триумvirатом педагогов (гл. III части второй).

Еще одна замена была сделана в тексте, в котором описывается круг чтения Юлии, рекомендованный ей учителем-французом. До 1868 г. фраза «Какими героями казались ей герои Жанена, Бальзака, Друино» (там же) читалась: «Какими героями казались Жанены, Бальзаки, Друино — и целая вереница великих мужей!» (при чем здесь «герои» и что за «вереница великих мужей!», оставалось читателю непонятным). Правда, следующая за этой фразой строка: «Что перед их дивными изображениями жалкая сказка о Вулкане?» — поясняет: речь идет не о самих Жанене, Бальзаке и Друино. Но тогда все-таки остается неясным выражение: «и целая вереница великих мужей». Столь же непонятной была дальнейшая фраза: «Венера, перед этими новыми героинями, просто невинность!» (О новых героинях выше не

¹⁷ Аналогичный пример относится к беседе Анны Павловны с Антоном Ивановичем: последний, передавая Анне Павловне свой разговор с Евсеем о похуевшем в Петербурге Александре, добавляет: «Дело-то все выходит оттого, что пища там была, слышишь, плоха» Исправление (по тексту 1868 г.) «слышишь» на «слышь» (гл. VI части второй) позволяет не только избежать невозможного со стороны Антона Ивановича обращения к Анне Павловне на «ты», но и восстановить чисто русский оборот речи.

¹⁸ Эти две формы, очень часто употреблявшиеся Пушкиным, никогда им не смешивались (см.: Словарь языка Пушкина. М., 1959. Т. 3. О — Р. С. 1042—1043 и 1044).

было сказано ни слова.) И Гончаров вносит следующее исправление: «И сама Венера, перед новыми героинями — просто жалкая невинность!».

Что же касается единственного исправления, сделанного по изданиям «Современника», 1848 и 1858 гг., то оно объясняется просто: Александра Адуева, человека штатского, за дуэль нельзя было отдать в солдаты. И до 1862 г. этот текст читался так: «...да! в солдаты: ну хоть в солдаты и не отдадут, да ведь после этой истории...». В 1862 г. фраза стала выглядеть иначе: «...да! в солдаты; кроме того, после этой истории...». В таком виде фраза перешла и во все последующие издания. Вероятнее всего, в 1862 г. при наборе выпали слова «ну хоть в солдаты и не отдадут» и в корректуре это место было «сглажено» с помощью слов «кроме того» (гл. VI части первой). Восстанавливая прежний текст, мы возвращаем прежнее правильное чтение.

Все приведенные исправления вновь возвращают нас к вопросу о том, почему текст 1868 г. не был положен Гончаровым в основу при подготовке собрания сочинений. Как уже было показано, он не забывал о серьезной правке, сделанной им ранее. Вероятнее было бы предположить, что писатель предпочитал видеть в своем первом романе произведение начального этапа своего творчества, именно 1840-х гг. Не случайно позднее в статье «Лучше поздно, чем никогда» он утверждал, что в его трех романах следовало видеть, «как в капле воды, периоды русской жизни». А о периоде, отразившемся в «Обыкновенной истории», Гончаров писал так: «Крепостное право, телесное наказание, гнет начальства, дикость нравов в массе — вот что стояло на очереди в борьбе и на что были устремлены главные силы русской интеллигенции тридцатых и сороковых годов. Нужно было с критической трибуны, с профессорской кафедры, в кругу любителей науки и литературы, под лад художественной критики вызвать к первым, вопиющим принципам человечности, напоминать о правах личности, собственности и т. п.» («Предисловие к роману „Обрыв“»). Вот почему, возможно, отдельные «реалии», внесенные Гончаровым в текст в 1868 г., были отброшены позднее. Так, до 1868 г. Петр Иванович говорит о своих фабричных: «если задурят, так посечешь», в 1868 г.: «если задурят, так посадишь в часть», а в 1883 г. Гончаров восстанавливает первый вариант. Не ставя под сомнение авторитетность издания 1868 г., все-таки нельзя считать этот текст основным. Тем более что всегда будет оставаться неразрешимым вопрос: как в тексте более раннем отразить позднейшую серьезную правку? Да и сам факт правки 1883 г. не есть ли уже акт творческой воли писателя, отменившего тем самым более ранний текст? Можно было бы, правда, поместить в академическом издании оба текста: в качестве основного — текст последнего авторизованного издания, а в качестве другой редакции — текст 1868 г. Но в таком случае встал бы вопрос о подобном решении и в отношении текста романа «Обломов» 1862 г. и текста «Фрегата „Паллада“» 1858 г.

Закономерен и вопрос: представляет ли текст «Обыкновенной истории» 1868 г. другую редакцию? По-видимому, все-таки нет: правка 1868 г., подобно правке во всех пяти переизданиях (не считая журнальной публикации и текстов собрания сочинения), не касается ни композиции романа в целом, ни построения отдельных глав и не меняет сущности ни одного из основных персонажей произведения, т. е. всего того, что касается гончаровского «мира творческих типов» («Лучше поздно, чем никогда»). (Признаки «другой редакции» можно обнаружить лишь в отдельных переработанных частях текста или эпизодах.) Писатель относится очень бережно к главным героям и линиям романа и сохраняет их, невзирая ни на какие упреки и пожелания критики. (Эта бережность распространяется, например, и на

имена его героинь. Несмотря на изменившуюся со второй половины XIX в. систему правописания, он с 1848 до 1887 г. продолжает именовать героиню «Обыкновенной истории» Надинькой (в отличие от Александра Адуева, которого всюду называет Сашенькой), а деревенскую любовь Александра — Соничкой, героиню «Обрыва» Марфинькой и т. п., отдавая тем самым дань давней русской традиции, восходящей, вероятно, к обычаю называть русских барышень на французский манер: Надин, Катишь (Катрин, Кити), Софи, Долли и т. п. (ср. с неосуществленным замыслом Пушкина «Надинька»).

Детальное рассмотрение характера правки во всех изданиях «Обыкновенной истории» свидетельствует лишь о присущей Гончарову уникальной требовательности к тексту своего романа и позволяет сделать единственно правильный, на наш взгляд, выбор основного текста для академического издания — текста последнего прижизненного собрания сочинений писателя с рядом необходимых исправлений, введенных в него из более ранних изданий.